

Ю.С.Мануйлов

25.05.2019

Нижний Новгород

Социализация вместо воспитания как объект лингво-педагогического анализа

Слово «социализация» в современном мире настолько распространенное, насколько оно допускает различные толкования. Не больше определенности и с содержанием выражения «жертвы социализации». На уровне обыденного сознания жертвами процесса можно считать малолетних воров, жуликов, вымогателей, попрошайек, юных проституток, детей-алкоголиков, наркоманов, инвалидов, душевнобольных, невротиков, самоубийц. К этой категории можно добавить и жертв этнической социализации: ультранационалистов разных мастей, детей мигрантов-маргиналов, метисов, чужаков, а так же жертв интернет-социализации: злонамеренных анонимов, злобных троллей, резвящихся геймеров, технофанов, юных хакеров и прочих жертв. По количеству запретов доступа в Интернет Россия уступает всем европейским, североамериканским, мусульманским странам и государствам юго-восточной Азии. Создается впечатление, что в стране можно все, и даже то, чего нельзя.

В научном лексиконе есть и специальные слова, характеризующие антигероев социализации. Это «девианты», «делинквенты», а на обычном языке - «неблагополучные», «трудные», «малолетние преступники», «юные правонарушители», «пострадавшие» и пр. Что же означают эти слова и какая от них польза для тех, кого волнуют проблемы детства? Полагаю, что для науки об управлении процессами развития и формирования человеческой личности, какой считаю педагогику, такие слова мало о чем говорят. Все они оценочного характера, фиксируют наличие травмы, порока, угрозы и вызванного ими страдания. Даже выражения «социально запущенные», «социально незащищенные», «безнадзорные» говорят слишком расплывчато о причинах детских драм. И чтобы понять природу асоциального поведения, недостаточно указаний на «ресоциализацию», «депривацию», «фрустрацию», необходима большая ясность. К тому же язык, на котором говорят и мыслят «специалисты», не совпадает со строем русского языка как основой самосознания народа и социального действия. Профессиональный язык существует параллельно с народным. Он непонятен большинству граждан Отечества. Звуки воспринимаются, но не резонируют с мыслями и чувствами людей, оставляют их равнодушными, безразличными к содержанию слов. Образность русского языка – это его фундаментальная особенность, и практика конвенциональности применима лишь в тех областях, в которых Россия «поотстала», например, генетика, кибернетика, лингвистика, бизнес и пр. Что же касается педагогики, то родной язык имеет несравнимые преимущества перед инородной лексикой. Почему? В нем не утрачена первооснова слова и господствует страдательный залог – залог существования русского мироощущения, русской души. Стоит ли напоминать, что русский язык является не только государственным языком, но

и языком межнационального общения. По статданным 2018 года этнические русские составляют без малого 80% населения России. Без внятного языка невозможно осознание гражданами природы асоциального, невозможно и широкое участие граждан в решении проблем детства, невозможно никакое социальное воспитание и перевоспитание. Это доказала история Соцвоса как массового явления и итоги борьбы с беспризорничеством в революционной России, а также последующая практика социального воспитания в Советском Союзе. Дополнительным аргументом, свидетельствующим о важности проблемы общественного воспитания в условиях социальной аномности, плюрализма и толерантности к судьбам детей в современном тревожном и продажном мире, может служить крайняя непродуктивность педагогических мер со стороны школы и отсутствие таковых со стороны общества. Еще не так давно каждый гражданин не только считал возможным, но и необходимым реагировать на асоциальные и антиобщественные действия ребенка, и масштаб детской социальной патологии был меньше, а уровень нравственности выше! И это объективный исторический факт, подвергать сомнению который могут лишь невежественные или подверженные политической конъюнктуре люди.

Конечно, жертвами социализации нередко становятся дети с врожденной патологией, инвалиды, лишенные способности к полноценной жизни. Но не только этим объясняется причина отклонения детей от социо-культурных норм и появления жертв социализации. Дети не всегда могут отличить добро от зла, правду от лжи, истину от того, что принято считать истиной, красоту от уродства. Порой асоциальные действия носят случайный, неумышленный характер. Но среди подростков встречаются и законченные эгоисты, несносные вруны, отъявленные хулиганы и прочие субъекты, множащие своим поведением число жертв насилия и равнодушия. Попробуем разобраться в природе существующих социальных отклонений и причинах жертв социализации среди детей.

Если под социализацией понимать приспособление-обособление к среде и в среде (1), то жертвой ребенок становится в двух случаях, когда: а) плохо приспособляется к «хорошей» среде или б) хорошо приспособляется (успешно ассимилируется) к «плохой» среде. Вопрос в том, что считать хорошей и плохой средой? Современное общество неоднородно, стратифицировано и территориально зонировано (районы меблированных комнат и бедных кварталов). Но это не означает, что жертвами среды становятся дети лишь из малообразованных, малоимущих семей, деструктивных, отдаленных от культурных центров страны. В числе жертв могут оказаться дети из состоятельных семей, проживающих в элитных домах престижных районов богатых городов («мажоры», «золотая молодежь»). Кроме того, результаты социализации зависят от принадлежности детей к различным социо-психологическим и этнокультурным типам. Легко сказать, что неблагоприятная среда является причиной социальных, психологических и физиологических отклонений детей. Но непросто отделить хорошую среду от плохой. Среда амбивалентна, и любая ее оценка относительна, абсолютно лишь

то, что она осредняет. Если это утверждение истинно, то оно допускает возможность оценивать детей по среде их пребывания. В арсенале педагогики имеется немало методов изучения среды (тесты, анкеты, наблюдения...). Имеется множество способов и форм представления результатов исследований: средовые карты, графики, схемы, таблицы и пр. Но поскольку в основе всех прогностических, проектировочных, преобразовательных действий и содержания выводов лежит язык, то следует остановиться на его роли в отображении причин социальной патологии детства. К сожалению, язык, дискурс не всегда является предметом серьезных научно-педагогических исследований и редко служит источником познания реальности. А между тем, язык в области гуманитарного знания есть ключ к разгадке многих проблем и решению сложных познавательных задач. «Знание, выраженное в языке, становится базисом, «материей», новой субстанцией мира или может быть лучше сказать: субстанцией нового мира. Оно само есть реальность и творит реальность». (2) Перспективным представляется обращение к возможностям русского языка в раскрытии роли среды и понимании разновидностей человеческих типов, оказавшимися жертвами среды. Для того, чтобы понять природу появления таких жертв, представить возможные причины разнообразных отклонений, увидеть, так сказать, корень проблемы, необходимо осознать тот факт, что язык как системное отражение всеобщей реальности должен содержать названия жертв негативного влияния среды. Но чтобы не метаться в поисках нужных слов и минимизировать временные затраты на изучение словарных статей, удобно иметь руководство хотя бы в виде набора слов, указывающих на категории детей морально обезображенных, духовно и физически травмированных средой обитания. Это практически важно для распознавания (оперативной диагностики) и последующей работы по нормализации процессов развития и предупреждения социальных отклонений у детей.

Наше исследование показывает, что благодаря определенной группе слов русского языка можно представить природу жертв социализации более живо, наглядно и убедительнее, чем с помощью абстрактных понятий, составляющих содержание некоторых словарей по социальной, пенитенциарной педагогике и социальной защите детства. Если среда опосредует и осредняет (3), то логично предположить, что их языковым эквивалентом может быть группа слов с префиксами «о-», «об-», «от-». В этом случае образуются вполне закономерные причинно-следственные связи. Так при определенных условиях интеллектуально ограниченная среда ограничивает, жестокая среда ожесточает, безобразная обезображивает, бедная обедняет, свободная от условностей освобождает, преступная обращает в преступников, цифровая среда - оцифровывает, мировая интернет-паутина опутывает своих пользователей разнородной информацией. В результате появляются жертвы социализации, среди которых можно найти: отягощенных, обработанных, одержимых, обезличенных, опустошенных, ограниченных, обманутых, обреченных, отвергнутых, обездоленных, обделенных, оскорбленных, озлобленных, осужденных и пр., пр., пр. Что дает этот лексический ряд?

Совершенно ясно, что графическое и фонетическое сходство слов указывают на их родовую связь и общее место в системе значений. Названные же лексемы конкретизируют и дополняют новыми смыслами само понятие «жертва социализации», объясняют причины появления «проблемных» детей. Воришка может быть изначально обременен проблемой выживания, отвергнут близкими, но окружен вниманием «авторитетов», обучен воровской морали и воровскому ремеслу. Девочка может быть отягощена наследственной предрасположенностью к промискуитету и проституции, психотропно обработана или озабочена материальной стороной быта, обманута привлекательностью легкой жизни звезд гламура. И это разные жертвы. Дети и подростки могут быть отравлены идеологией религиозного экстремизма (как пример, исламского фундаментализма), порождающей террор и агрессию. В свою очередь, оскорбленные и пострадавшие от национального унижения и дискриминации дети будут одержимы идеей воздаяния обидчикам и мщения своим угнетателям.

Наряду с этим, обращение к вышеприведенному словарному ряду позволяет истолковать природу появления жертв, вызванную действиями среды: ограничивающими, обезличивающими, отягощающими, обременяющими детей и подростков, о чем уже сообщалось. Существенно и то, что слова родного языка для его носителей не просто понятны, но вызывают эмоциональный отклик, взывают к действиям. Как видим, язык содержит слова, способные охарактеризовать влияние среды и разновидности меченных для того, чтобы что-то менять в ней и чтобы жертв социализации становилось меньше.

Конечно, с жестокостью и со страданиями детей можно встретиться в любой стране мира. Но все-таки, почему так много жертв среди детей в современной России? Заметим, только по числу самоубийств Россия опережает многие страны мира. «Страшно жить в такой стране !!!!!!!!!!!!!!!». Ради чего такие жертвоприношения и почему страна, прекрасно заботившаяся о будущем поколении («Все лучшее детям!»), свернула с этого пути, породив конкурентную, прагматичную, карьерную, толерантно-торгашескую, алчную среду, приспособление к которой (в процессе социализации) драматично оборачивается потерей человеческого достоинства и чести? Современны слова древнегреческого философа Платона: «Никто не становится хорошим человеком случайно» (4). Действительно, нельзя полагаться только на социализацию - естественный процесс, который нельзя ни сдержать, ни отменить. Но в современной России исправить положение может только воспитание, и прежде всего опосредованное, то есть осуществляемое посредством среды, организуемой в интересах человеческой личности и общества. Важно гуманизировать среду и восстановить статус воспитания как фундаментальной педагогической категории. Важно заниматься вопросами социального воспитания, средообразовательной практикой, чтобы оградить детей от мерзостей и жестокостей этого скрытого под флером социальной гармонии мира и дать надежду на достойное будущее России.

Литература

1. Мудрик А.В. Социализация - возможная социально-педагогическая трактовка // Социальная педагогика: люди, идеи, проблемы. Сборник. Под ред. Т.А.Ромм и Т.Т.Щелиной. Арзамас: АГПИ, 2011. – 348 с. + 21 с.ил. с. 103-107
2. Эпштейн М.Н. О действенности. Сила приставки «о»./М.Н. Эпштейн. - Новая газета. Свободное пространство. № 40, с.18.
3. Мануйлов Ю.С. Средовой подход в воспитании. – 2-е изд., перераб. – М.; Н.Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2002. – 157 с.
4. Никто не становится хорошим человеком случайно. / Платон [Электронный ресурс] // С–URL: <http://si-sv.com/board/platon/16-1-0-49>